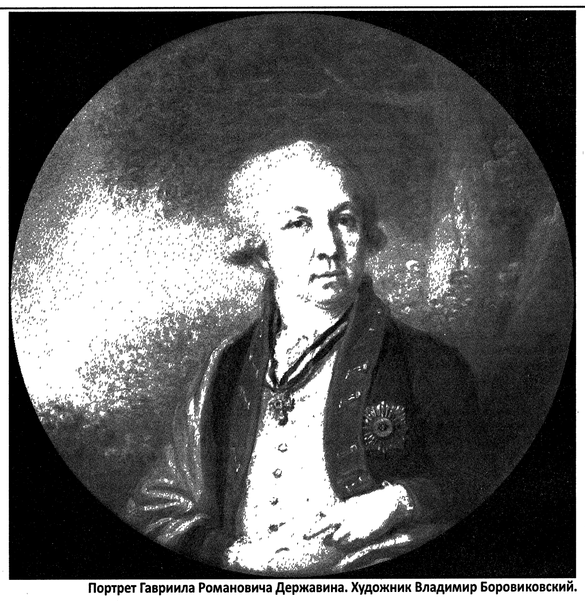
Литературная гостиная

14 июля по аналогии с Пушкинским днём можно называть Державинским днём — именно 14 июля (1 июля по старому стилю) родился Г. Р. Державин. Тамбовщина имеет своё особое отношение к этому поэту и государственному деятелю, который становится тем более интересен, если обратить внимание не только на его представление о литературе, но и о государстве.

Государственные интересы — превыше всего!



Портрет Гавриила Романовича Державина. Художник Владимир Боровиковский.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждёт от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Г. Р. Державин.
Ода «Вельможа» (1794 г.).

Каждый политик и чиновник обязательно руководствуется конкретным набором мировоззренческих установок. Естественно, Г. Р. Державин не был исключением, а определив государственно-правовые и общественные взгляды известного поэта, легче понять смысл и направленность его инициатив как в период служебной активности, так и во время отдыха.

Наилучшим образом мнение Державина о сущности государства, права, задачах и способах управления страной, структуре общества, роли чиновничества в нём и прочем раскрывают его записки-размышления, сделанные на закате жизни. Это мысли умудренного жизненным и профессиональным опытом человека с творческим взглядом на мироустройство (ещё раз подчеркнём его нестандартность в действиях и мыслях). Несмотря на скудость и несистематичность первичного образования (его составили учитель немецкого языка Иосиф Розе, сосланный в Оренбург на каторжные работы, и казанская гимназия, где «учили вере без катехизиса, языку — без грамматики, числам и измерениям — без доказательств, музыке — без нот»), о чём без лишнего стыда упоминал сам Гавриил Романович, его размышления, записки и прочие личные и деловые бумаги отражают глубокий ум, аналитически-проблемный подход к интересующему вопросу, ясность изложения, чем демонстрируют блестящий результат самообразования. Возможно, это во многом обуславливает то, что Державин вопреки всем препятствиям и неудачам, прошёл путь от солдата до министра, чем очень гордился.

Начнём анализ политико-правовых взглядов Г. Р. Державина с его рукописных, т. е. не изданных до сих пор работ, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Из почти 40 томов его рукописей, переданных его биографом, академиком Я. К. Гротом на хранение в Императорскую Публичную библиотеку (интересная деталь — эта библиотека была учреждена «политическим кумиром» Державина — императрицей Екатериной II в 1795 г.), особенно интересен второй том «Литературные сочинения Державина» с условной рубрикацией «Мысли по разным предметам». Явная датировка сочинения отсутствует, по водяным знакам на бумаге его можно отнести к 1811—1812 гг. Впервые на этот памятник обратил внимание и дал ему общую характеристику в конце 1950-х гг. литературовед В. А. Западов. Он и предложил именовать эту работу Г. Р. Державина «Рассуждением о науках, политике и морали», полагая, что её текст является изложением взглядов поэта. В 1965 г. он уточнил, что трактат является переводом сокращённого изложения учения английского государственного деятеля, юриста и философа Ф. Бэкона французским просветителем А. Делейром (кстати, Ф. Бэкон был пэром и министром юстиции, как в своё время и Державин). Несмотря на переводной характер сочинения, оно содержит авторское отношение Державина к учению английского «коллеги». Выбор для перевода сочинения Бэкона, как представляется, не случаен. Есть все основания считать, что идеи английского просветителя XVII в. были крайне близки воззрениям Державина-политика. Роднило его с бэконовским учением и одобрение в качестве единственно правильной формы правления абсолютной монархии.

Исходя из анализа державинской переработки сочинения Ф. Бэкона, можно смело утверждать, что Державин был сторонником монархии, причём просвещённой («государи философы служат залогом блаженства народов») и непременно ограниченной дворянством («дворянство умеряет власть монархическую и через собственный блеск свой приучает глаза народа определять и поддерживать блеск государственной власти, не ужасаясь оной») с тем, чтобы та не превратилась в тиранию и деспотизм, которые он всячески осуждал. Идеальным правителем является тот, кто «добрый, благонравный, пекущийся за государство», «отличается любомудрием и прозорливостью». Власть он рассматривал как персонифицированное государственное явление. От личности правителя, по его мнению, многое зависело в стране: «Величайшие погрешности в правлении происходят от погрешностей Государя».

Главнейшими социальными опорами монарха являются дворянство и купечество. Первое сословие, по его выражению, это «подпора престола», второе — «кровеносные сосуды». Земледельцев называл «отцами, питающими государство». Важным считал для поддержания гармонии в государстве и обществе компромиссы. Для того чтобы предотвращать народное недовольство, необходимо было развивать торговлю, ограничивать роскошь первых сословий, регулировать цены, поддерживать умеренные налоги.

Особое место в структуре государственной власти было отведено правосудию. В сфере учения о праве Державин разделял естественно-правовой подход к нему, согласно которому наиболее ценными являлись неотъемлемые права и свободы граждан. Он считал, что закон должен выражать идеи естественной справедливости.

Не менее важная роль в государстве была отведена исполнительной власти — министрам («щит государей»), которые несут ответственность перед Богом, монархом и народом. Для управления внутренними делами необходимо использовать людей «хороших сердечных качеств», а во внешнеполитических делах лучше задействовать лукавых. Вследствие того что правитель не сможет никогда достаточно вознаградить преданных ему министров, им нужно быть умеренными и справедливыми.

Относительно монархических взглядов Державина требуется сделать оговорку. В проекте реформирования Сената 1801—1802 гг. он предусматривал ограничение власти самодержца (по примеру Великобритании) конституционным органом власти (т. е. обновлённым Сенатом). Державин тем самым стремился установить в стране политический режим «истинной монархии», при котором монарх действовал бы исключительно в рамках закона, а политические права дворянства и верхушки купечества были бы существенно расширены. Это смелое предложение поэта-министра дало повод его современникам называть проект преобразований Сената «конституцией».

В те же 1810-е гг. Державин составил, используя современную терминологию, своеобразный кодекс профессиональной этики государственного служащего — «Рассуждение о достоинстве государственного человека». В нём он представил образ идеального чиновника: государственный служащий должен быть «более других сограждан движим и руководствован сею благородною страстию (т. е. любовью к отечеству. — **Авт.**). Он должен ею жить, вливать её в своих подчинённых и быть примером в ней всему государству». Считая, что «величие души познаётся из небоязненных изречений правды», Державин называл такие ключевые качества чиновника, как правдивость, благочестивость, религиозность. По его представлениям, он должен быть «открытым деловцом», а не любимчиком монарха, не расторопным царедворцем и не царским письмоводцем (по-современному, спичрайтером).

Говоря о гуманитарных взглядах Г. Р. Державина, необходимо отметить его представления об идеальном человеке-гражданине, концентрированно выраженных в его оде «Вельможа». Он должен был быть набожным; порядочным; верным семье и жене; познающим самого себя; волевым; справедливым; добрым; не жадным; скромным. Гражданин не должен был гнушаться никакой работы, какое бы высокое положение ни занимал; не ждать награды за свой труд; не кичиться своим знатным происхождением. Естественно, эти качества признавались и ожидались от лиц дворянского сословия.

Таким образом, по политическим предпочтениям Державин являлся конституционным монархистом (не потому ли приобрёл славу «нелюбимого» государственного деятеля?), по правовым — сторонником естественного права, т. е. соблюдения изначальных прав и свобод людей, данных им от природы. Во взглядах на государство был очень близок к бэконовским идеям парламентской монархии. Особое внимание в государстве уделял судебной системе и вообще закону, искренне считая, что точное следование законодательным предписаниям обезопасит страну от внутренних и внешних потрясений. Державину была свойственна морализация политики и права. В своё понимание государственной службы он привносил элемент трогательного эмоционального восприятия. Его идеальный госслужащий (к нему относится и верховный правитель) — это некий сверхчеловек, поборовший в себе все возможные человеческие пороки. Очевидна наивность таких завышенных этических представлений. К сожалению, и спустя двести лет человеколюбие, честность и патриотизм государственного деятеля являются недосягаемой планкой, почти подвигом, а человек, искренне верящий в возможность существования этих качеств в одном чиновнике, вызывает у нас ироническую улыбку. В связи с этим на ум приходит контрастное сравнение сатирических героев повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» с описанным нами державинским идеалом государственного деятеля. Но Г. Р. Державина не стоит обвинять в крайнем мировоззренческом утопизме и идеализме. Скорее, его рассуждения о желаемом государстве, бюрократическом аппарате, правовой системе являлись реакцией на виденное в течение сорока лет его собственной служебной деятельности. Их можно расценить как мудрое, глубоко прочувствованное наставление потомкам, сделанное государственным деятелем и поэтом, главнейшими ценностями которого были патриотизм, законность и гуманизм. Ведь главным делом своей жизни Г. Р. Державин считал именно государственную службу, и, находясь на любых административных должностях, старался отстаивать государственные интересы. И в этой борьбе, по его собственным словам, «был горяч и в правде чрт».

Нина ЦИНЦАДЗЕ.
Кандидат исторических наук, доцент ТГУ им. Г. Р. Державина.

И. Елегечев: 1786 — «Год начала борьбы русской литературы за обиженных и оскорблённых»

Фрагмент речи, произнесённой на международной конференции литературоведов — специалистов по Державину

...После того как я дерзнул написать на материале жизни Державина небольшой по объёму роман, роман-размышление о нашем времени, я уяснил, кажется, и уточнил, кто же стоял рядом с Пушкиным, поддерживая в руках вострый алмазный резец. Я не произношу имени этого сочинителя, вы и без того догадываетесь, что это был за человек.

Тема маленького человека, тема униженного и оскорблённого, начатая Пушкиным и продолженная Гоголем, подхваченная Достоевским, Чеховым и другими, — это есть прописные истины. И мы, по инерции летя мыслью, часто забываем о том, что за несколько десятилетий до Самсона Вырина, станционного смотрителя, до бедного чиновничка, на последние гроши справившего для себя новую шинелишку и обиженного его жестокими товарищами, чиновниками какого-то департамента, может быть, департамента, как и в наше время, образования, тема сирот и вдов, ожидающих защиты от власть имущих, уже разрабатывалась, и успешно, патриархом русской литературы — Державиным. Нет необходимости сейчас зачитывать переложение из 81-го псалма царя Давида, но маленькие купюры, кажется, надо вспомнить. Обращаясь к власть имущим, Державин изрекает свой проникновенный и громный глагол:

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров,
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют...
И далее:
Цари, я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И т. д.

Переложение из 81-го псалма было опубликовано в первый год службы Державина в Тамбове. Этот год, 1876-й, таково моё мнение, является годом начала борьбы русской литературы за обиженных и оскорблённых, за маленького человека, годом защиты его от жестокости власть имущих. Эту борьбу начал Державин, губернатор, дворянин, владетельный помещик. Тема защиты обиженных и оскорблённых звучит и в «Фелице».

Фелица слава — слава Бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил.
И далее:
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?..

И во многих других, менее известных стихотворениях, чем приведённые, громко звучит тема защиты от угнетения властью маленького человека.

И потому я, уточняя мысли о Державине и Пушкине, вынужден признать для себя: магическим алмазом начертанный круг не есть творение одного Пушкина. Начат он и, может, до половины и даже больше доведён Державиным.

Я думаю, вполне возможно, Державин и без Пушкина обошёлся бы и замкнул магический круг, дав творческое задание веку девятнадцатому. Но было ещё рано. Не судьба. Она, судьба, складывалась у Державина не очень благополучно. Долгая солдатчина. Заблуждения молодости. Пугачёвщина. Верная служба короне и трону. Всё это мешало вдохновению. Державин работал над словом урывками, ночами, день был посвящён службе, борьбе за себя.

А судьбу Пушкина мы знаем. Гувернанты-бонны, иные языки, богатейшая с младенчества библиотека, лицей, светское окружение, высокая культура — всё то, что способствует развитию таланта.

На своих секциях, господа учёные, вы, наверное, говорили об актуальности поэзии Державина. И, наверное, не раз приводили стихотворное послание поэта ко второму соседу. Нет нужды полностью читать этот стих, напомню его содержание «презренной» прозой. Богач-сосед рядом со скромным жилищем Державина возводит блистательный дворец. На что он строит? Конечно же, на уворованные из казны деньги. Что укладывает в стены? Похищенный кирпич. А чем украшает стены своего дома? Краденными из Таврического дворца стройматериалами. Державин, не боясь, что властный сосед может в одну минуту стереть его в порошок, смело кричит ему в лицо: ворюга, побойся Бога! Зачем, язычник, жадничаешь и копишь? Ведь за таковые дела и в тюрьму можно загреметь. А придёт смерть — все твои накопления пойдут по ветру, как мякина. Жизнь коротка. Умрёшь — добрым словом не помянут. Так увещевает хапуту Державин:

Надёжней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь, и раб в него придёт.
К чему столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор?
И ах! Сокровища Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

И это, и многие другие стихотворения Державина, несмотря на двухвековую давность, по-прежнему актуальны, будто поэт живёт рядом с нами и, уподобляясь ветхозаветному Иеремии и Иову многострадальному, вопит нам в лицо свои смелые изобличения:

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигает прочны домы;
Они подобны небесам,
Стоят и презирают громы.

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Державин

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)

По какому краю ехал? В какой град въезжал действительный статский советник Гаврила Романович Державин? Тёмно, ох тёмно лежало вокруг поле Дикое.

Ночью темень непроглядная, кромешная, а днём темнота беспросветная народная. Царство просвещённое свет сюда ещё не простёрло. Время, и то своё — дикое. Никто секунд, минут и часов не считал. Ложились с закатом и просыпались с рассветом вместе с лошадьми, коровами, гусями, курами. В редких домах, при часах, всяк по своему времени жил. А как стрелки сверишь в Тамбове, Козлове, Моршанске, Грязях, Борисоглебске? Вот и ходило у каждого по дому своё неповторимое время.

Не спрашивали горожане:

— Который час?

У каждого свой имелся, с соседом не схожий. Разновременность со столицами до двух недель растягивалась. В Питере ли, в Москве человек преставился, земле предан, а в Кирсанове не за упокой, а за здравие ещё месяц молиться будут. Может и к лучшему? Тысячи лет, с древнейших времён на всей земле скорость одинаковая была — быстрота коня резвого или тройки. Двадцать вёрст в час. По весеннему беспутью от Мезенца до Мучкапа не менее десяти дней.

Князь Нарышкин в Алексеевке Вольтера почитывает про разделение властей и эмансипацию женщин, а граф Загряжский в Александровке борзых щенков на крепостных детишек меняет да целковые бабам по утрам раздаёт, мужей законных опередивши на целую первую брачную ночь. Тёмен русский человек, даже если ему солнце в глаза плещет.

Чёрный возок спустился от Московской заставы до площади, заелозил на льду и, обдав собравшихся снежной крошкой, остановился. Из него молодецки выскочил высокий стройный человек в стриженой шубе внакид, в гвардейских дорожных сапогах и без шапки. Короткие волосы открывали два неглубоких залива залысин.

— Парик напялить не соизволил. Протоколу не кланяется, не говоря уж про нас грешных, — шепетнул предводитель Ушакову.

На короткие представления каждого чина и должности Державин молча кивал, не подавая руки. Да никто и не протягивал. После московской чумы рукопожатия строжайше высочайше воспретились. Когда толпа исякла, Виц умолительно сплёл руки:

— Дорога дальняя — труд утомительный. Смёрзлись, оголодались. Тут, ваше превосходительство, купцы первостатейные и общество из магистрата с ужином затеялись...

— И, перейдя на фривольный пришепёт, приклонился, обдышал несвеже:

— Почтите вниманием, Гаврила Романыч, почитай всё именитство собралось...

В широкой, с низкими сводами зале за длинными столами сидело сотни полторы людей. Державина провели по чистому тканому половику во главу. Стоял густой дух жареного с луком мяса, мокрой овчины, кислого вина и сосновых опилок, уставшавших пол. К обильной еде и питью никто не притрагивался. Устремлённые, ждущие глаза заставили подняться и заговорить.

— Екатерина Вторыя, Божию милостию императрица и самодержица наша, напутствуя меня на столь многотрудную должность, уверилась в надежде, что верноподанные граждане города Тамбова и прилежащих уездов похвальным радением, доброю верою и поведением благим, а также в торговле, ремёслах и промыслах всемерно способствовать будут возвышению места, ими населённого, и приведению города вашего, а нынче уж и нашего, в цветущее состояние.

Наказывала государыня как можно скорее выслать план устроения улиц и домов, выправленный по межевой инструкции, на подписание её рукою. Намерен я особо заняться обороной и охранением собственности каждого горожанина от лихих людей и от пожаров, хужее любых разбойников бесчинствующих. В ближайшие дни все в городе поселившиеся должны присягнуть пред всемогущим Богом в сохранении ненарушимой подданической верности к особе императорского величества и расписку дать, что право гражданина принимает и обязуется нести все тяготы.

Вознамерился я также сложить с города все подати, службы и тяготы, что без подписания руки нашей государыни место имеют, — зал одобрительно загудел, заёрзал. — Городскому магистрату предлагаю немедля для упорядочения заветси городовую книгу с описанием домов, строений, мест и земель под нумерами, дабы желающие дать внаём деньги на заклад или покупку дома, с тою книгою сверясь, в надёжности могли пребывать.

Видел я в бумагах столичных скудость казны тамбовской. А дворяне благородные, собственные дома, сады, землю имеющие в городе или предместьях, живущие в них, в наёме ли держащие, тягот гражданских не несут, хотя и долженствуют наравне с прочим мещанством. От того банкрутом никто не разорится, а городу польза значимая. Дворянское достоинство освобождает только от личных податей и состоящих на военной и гражданской императорской службе...

Лаба клюнул ухо Ушакова:

— Вот и первый его прострел. Одним махом всех дворян от себя отсёк. Кто обрадуется подати платить? Да немалые. А главное унижение — с простолюдьем на одну доску. Закон, он что дышло, как бы ему сие боком не вышло.

Гласный Думы, известный бунтовщик–правдолюбец рассказовский купец Молодцов радости не сдержал:

— Во шпарит! Всех под одну гребёнку, — и заорал: — Праведно! По закону жить должно!

Державин погрозил ему пальцем, утихомиривая.

— Испрошено, кроме того, городу нашему дозволение, где удобно, завести и содержать мельницы всякие — ветряные, водяные, пильные, мучные. Для пополнения казны разрешила государыня содержать магистрату, або в наёме держать трактиры, герберги, харчевни, кормы. И снова волной прокатилось одобрение... Кто-то крикнул:

— Давно ждано!

...Мещанам всем без разбору, кто пожелает, отдаётся на волю строить для продажи или хранения товара гостиные дворы. Иметь в домах своих лавки и амбары для продажи и поклажи товаров всяких. Подкрепления доверия ради к магистрату и торгу, установить надобно эдак в местах пяти видных меры и весы клеймлёные для брака товаров, за коий штраф значимый установить. Уездным жителям свободу и безопасть сделать свои рукоделия и произрастания в Тамбов везти, а потребное для них из города вывозить беспрепятственно. И не требовать с них в здоровое время в благочиние явления для паспортов записания при привозе и вывозе. Власть преградой для тезиков иногородних быть не должна. Ярмарки нужны. Горожанам припасы — казне прибавка, — запалившись, Державин замолк — передохнуть-выдохнуть — и увидел на многих лицах недоверчивость: «Во оплетает правитель! Обмишулить хочешь, обайщик? Видали мы таких».

Его вдохновение никому не передалось. Чиновные смотрели скрытно-насмешливо. Гильдейские — хитровато-настороженно./.../

Склоняясь думать о людях лучше, нежели они были на самом деле, он впадал в чёрную меланхолию при каждом обмане или подличане. Но опять и снова оправдывал всеми правдами и неправдами сквернодеев и шильников, предпочитая ошибаться в людях, нежели не доверять им...

Иначе бы жизнь потеряла смысл, а зло и жестокость вошли в обыденность. Именно за открытое доброжелательство и недолюбливали его многие из власть придержащих, принимая его за преднамеренную хитрость или спрятанное высокомерие.

В голове вертелась фраза-пиявка из Данте: «... Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» Да, уж далеко за половину-то. Мне сорок три, возраст почтеннейший — не средовик, а подстарок. Но мнится, только начинаю жить! То ль свежи чувства, то ль жаден разум, то ль много сил ощущаю в себе...